

«ПОТОМУ ЧТО ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ...»

Имя Елены Александровны Благиной (1903—1989) известно широко, известно как имя автора детских стихов. Однако мало кто из литературоведов и историков литературы обращал пристальное внимание на так называемые «взрослые стихи» Благиной, тем более на её стихи о войне. Эта часть её творчества имеет особую ценность — и литературную, и историческую (особенно для малой родины Благиной — Орловщины).

К началу войны Благина была уже признанным детским писателем. Её фамилия в документах Союза писателей СССР значилась тогда в одном ряду с именами Маршака, Чуковского, Кассиля. Однако в силу обстоятельств в первый период войны Благина не была заметной фигурой литературной и общественной жизни страны. В октябре 1941 — августе 1942 года она была в эвакуации в Красноуфимске (Свердловская область), работала в местной районной газете «Ленинский путь».

Это было время тяжёлых испытаний. В рядах Красной Армии сражались муж Благиной Георгий Оболдуев и три её брата: Александр, Дмитрий, Михаил (двое из них погибли). В эвакуации умер отец Александр Александрович.

В январе 1942 года Благина написала несколько писем в Союз писателей СССР,

где сообщила о своей работе в радиокомитете в Свердловске, о выходе в свет книги в Кирове и о желании вернуться в Москву. Но тогда ей ответили отказом. Спустя более чем полгода разрешение было получено, и в сентябре 1942 года Благина вернулась в Москву.

В столице она узнала об освобождении Орла, вместе с залпами первого салюта родилось желание поехать в город детства, «прикоснуться к родным ранам». 10 августа 1943 года Благина участвовала в заседании президиума ССП СССР, которое вёл А.А. Фадеев. Президиум постановил: направить группы писателей (2—3 человека) сроком на два-три месяца для работы по восстановлению литературных организаций в те областные и республиканские центры, где невозможно сделать это в кратчайший срок местными силами.

И вот в ноябре Благина выехала в Орёл. В записной книжке она сохранила первые впечатления (путь с вокзала) от встречи с городом детства и юности:

«Взошла луна, идти стало легче. Ноябрьский ветер дул в спину, рюкзак оттягивал плечи, ноги заплетались, коченели руки.

Родная Московская развернулась предо мной, и я испугалась и опечалилась: чем дальше, тем выше становились дома, тем

ужаснее зияли разрушения. Из сквозных корпусов, из пустых оконниц лился холодный мрак, жалобно билось, стена, оторванное железо; безлюдье и холод делали еще страшнее эту картину разора.

Неужели это тот самый город, в котором жили мои родители и родители моих родителей? Неужели тут справлялись мирные и скромные пиры, вершились семейные советы, переживались трагедии? Неужели в этом самом городе мы сидели в малиннике, надевали по праздникам кисейные платья, ели тёплые ситники...»

Так рождался цикл военных стихов Благиной о родном городе. Поэт стремилась сделать для читателей явственным, осязаемым состояние разрушенного Орла. И делала это не через показ настроения его обитателей, а демонстрацией предметного ряда, неким одушевлением вещей, как, например, в стихотворениях «Одинокие печки», «Окно»,

Шок от первой встречи с городом постепенно проходил. У Благиной и приехавших с ней коллег-писателей состоялись встречи с железнодорожниками, бойцами, учителями, партийными работниками. Стала видна панорама возрождения Орла. Об этих днях Благина писала: «Я воочию видела, как подымался народ-великан, как самоотверженно и стойко трудился он для того, чтобы залечить смертельные раны, нанесённые врагом. Учащие и учащиеся своими руками ремонтировали школы, в утлых развалинах открывались ясли и детские дома, на разорённом, чёрном, как бы перевернутом вверх ногами вокзале точно по волшебству появлялись кипятильники, комнаты матери и ребёнка, залы ожиданий и комнаты для раненых».

В редакции «Орловской правды» была создана литературная группа. Один из её участников, Евгений Горбов вспоминал: «В Орёл приехала группа московских писателей: Феохтист Березовский, Елена Благина и Олег Эрберг. У группы была определённая цель: оживить литературное движение на Орловщине.

...В тесной комнатке промышленного отдела собралось человек пятнадцать. Половину составляли свои, редакционные, другую — активисты. На собрании, конечно, говорили о выявлении новых сил, об учёбе, творческом росте и высокой требовательности к себе. Затем выбрали бюро литературной группы».

Утром 28 ноября 1943 года Благина была в сквере Танкистов на похоронах Героев-комсомольцев Владимира Савинова и Владимира Александрова. Много тогда на Орловщине появилось обелисков с красными звёздами. И, наверное, потому в память обо всех решила не указывать ни имени героини, ни названия города или села в стихотворении «Могила партизанки».

В тот же день, 28 ноября, состоялась встреча Благиной с детьми специального детского дома в пригородной Некрасовке. Здесь и родился замысел небольшой поэмы (повести в стихах) «Гармошка» с посвящением воспитаннику Мише Курбатову. Отступая с партизанским отрядом, он заминировал любимую гармонь. Финал поэмы делает читателя непосредственным свидетелем и участником происходящего — он явственно видит, как к одинокой гармонии подходят два фашиста, как она взрывается...

Стихотворение «Орловской красе» Благина посвятила памяти брата Дмитрия, погибшего в октябре 1941 года под Ленинградом. Финальная строфа соединила в себе множество мотивов — это и чувства обычного человека, и прощание с земной жизнью, и высота сокровенной веры в бессмертье. Как признавалась Благина в одном из писем, в Москву она «приехала совсем постаревшей, потому что нагледелась всякой скорби, всякого разора». Но, как ни удивительно, эта поездка в Орёл закалила её, дала душевную уверенность, обострила поэтическую зоркость. Об этом Благина писала в стихотворении «Была и буду».

Военные стихи Благиной постепенно заслужили признание, хотя сама автор относилась к этим оценкам с изрядной долей иронии. В частности, касаясь «орловско-

го цикла», Благинина писала составителю «Орловского альманаха» Владимиру Кому в первые послевоенные годы: «Так хвалят, что могу себя вообразить невесть каким поэтом, если немножко потщеславиться».

Благинина приезжала в Орёл в 1947 году вместе с матерью Неонилой Михайловной. Посетила родные места и в 1950 году, в 1973-м и 1978-м... По воспоминаниям орловцев, бывала в Орле в 1960-е годы... Видела возрождённый город, много общалась с писателями, с юными читателями, с родными. С 85-летием её поздравила Орловская писательская организация:

ОРЁЛ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Выпало звено, и цепь распалась —
Нет ключа от города Орла...

Я ж ещё в пруду не поплескалась,
Я ж ещё в саду не побывала!

Яблочка отведать не успела,
Не доела тёплого ломтя,
Материнской песни не допела,
Не сумела уберечь дитя!

Я ж ещё с родными не простилась,
Милого звала — не дозвалась...
Утренней звездой не засветилась
И вечернею не пролилась.

Мне бы хоть немножечко подоле
Побродить среди дворов и хат!
Я бы принесла яиц в подоле,
Куры-то несутся где хотят!

Я бы иван-чаю наломала —
Хороши орловские луга!..
Времени осталось слишком мало,
Каждая минута дорога!

Горница не прибрана, не мыта,
Рушники не вышиты — белы.
Не дожато в пыльном поле жито,
Жизнь не дожита... и спят орлы...

«Дорогая Елена Александровна!

Сердечно приветствуем Вас и горячо поздравляем с юбилейным днём рождения! Желаем здоровья и многих лет! Низкий поклон Вам, славная наша землячка, за чистые, звонкие, истинно народные стихи, которые будут жить вечно в русской поэзии.

Спасибо Вам за верность детям, верность родному краю! Ваши земляки, орловские писатели».

Сборников стихотворений для взрослых у Благиной только два — «Окна в сад» (1966) и «Складень» (1973). В каждом звучала незабываемая военная тема.

Алексей Кондратенко

Спят орлы в сырой земле орловской,
Воротившие бездомным кров, —
Новиков, Благинин и Шабловский,
Заломёнков, Бухвостов, Петров...

ОДИНОКИЕ ПЕЧКИ

Ни крыши, ни стен, ни крылечек,
Ни даже деревьев в саду!
Лишь кафельных несколько печек
На лютот стоит холоду.

Им стыдно. Они присмирели.
Им очень, видать, тяжело...
Они наши горницы грели,
Дрова в их утробе горели
И нам отдавали тепло.

Бывало, примчимся мы с речки,
Холодные снимем коньки.
А дома!.. затоплены печки,
Плывут голубые колечки,
Приплясывают огоньки.

Мы на пол усядемся кучкой
На стареньком нашем ковре...
А вьюга прикинется злючкой
И ну бушевать на дворе.

То ставень, шальная, задела,
Стекло залепила снежком.

Но что нам до вьюги за дело
В тепле благодатном таком?

Мы ляжем... И сны золотые
Придут, приплывут, прибегут.
И печки, теплом налитые,
Наш сонный уют стерегут.

А ныне... Стоят они кругом
Под этой луной ледяной
И грустно толкуют друг с другом
О том, что зовётся войной.

Об этом великом разоре,
Который она принесла,
О том, что бесчестье и горе
Стоят, не давая тепла.

ЛЕСТНИЦА, КОТОРАЯ НИКУДА НЕ ВЕДЁТ

Что может быть грустней предмета,
Который вовсе ни к чему?
Вот лестница большая эта
В моём разрушенном дому.

Она не тронута разрывом
И даже не повреждена —
Движеньем лёгким и красивым
Вперёд и вверх устремлена.

Один, и два, и три пролёта,
И я стою, стою без сил,
Как будто очень страшный кто-то
Мой быстрый бег остановил.

Гляжу наверх — там только тучи,
Направо — там обвал стены.
Внизу — песка и щебня кучи,
И груды кирпичей видны.

И я стою на этой вышке.
Мой город подо мной! Без крыш!
А снизу мне кричат мальчишки:
— Слезай! Чего ты там стоишь?!

ОКНО

Вечерами ранними
Улицей брожу,
А окна с геранями
Нет... Не нахожу!..

За которым сижено,
Думано (Давно!)
Вышиблено, выжжено,
Выбито окно.

За которым матери
Добрые шаги.
На узорной скатерти
Чашки, пироги.

Десятилинейная
Лампа в колпачке,
Занавесь кисейная,
Фикус в уголке.

Ветку добролапую
Вытянул из тьмы...
За которым с папою
Танцевали мы.

Пляски именинные —
Прочь половики!
... Милые старинные
Польки, трепаки...

За которым читано
О красе земной...
А теперь молчит оно —
Тут, передо мной.

ОРЛОВСКОЙ КРАСЕ

Ты не помнишь, иль помнишь о сыне,
Что погиб в чужедальнем краю
За высокую горечь полыни,
За неяркую прелесть твою?

За пруды под зелёной ряской,
За ракиты у этих прудов,
За немного расшатанный, тряский,
Деревянный уют городов.

За платок молодайки узорный —
Россиянки, солдатки, вдовы,
За доверчивость этой просторной,
Отражённой в глазах синевы.

И когда в помутившемся взоре
Пропадал этот свет голубой,
Плакал сын твой от скорби и горя,
Потому что прощался с тобой.

Он увидел — качнулась ромашка,
Тёплый шмель прогудел над кустом.
И упал — неуклюже и тяжко,
Распластавшись наземным крестом.

МОГИЛА ПАРТИЗАНКИ

У могилы разлапые ёлки
И коротенький текст без прикрас:
«Здесь покоится прах комсомолки,
Партизанки, погибшей за нас!»

А внизу — место боя и дата,
А вверху — небольшая звезда.
Негорячее сердце заката
Вечерами заходит сюда.

Ходят женщины плакать по близким,
Ходят юноши и старики.
Ветерок на простом обелиске
Полевые колышет венки.

А однажды вдоль ржи недожатой,
Через мост, мимо новеньких хат
Прибежал с синеглазой вожатой
Пионерский весёлый отряд.

И сказала вожатая: «Дети!
Слава павшим! Дела их живут!
Есть высокая доблесть на свете,
Эту доблесть бесстрашьем зовут.

Сколько было счастливого в жизни?
Эта девочка всё отдала,
Чтобы в нашей великой Отчизне
Жизнь, как светлая сказка была.

Будьте так же бесстрашны, ребята,
Будьте счастливы долгом своим!»
Негорячее солнце заката
Развернулось гербом золотым...

БЫЛА И БУДУ

Ты, война, меня не повалишь.
Я — из ванек-встанек.
Ты мне хлеб сухой жевать велишь,
А я его — как пряник.

Ты мне — воду в ледяном ковше
С крутого овражку.
А вода всегда мне по душе.
Я её — как бражку.

Ты морозы обещала мне,
Сулила бураны,
А зачем рисуешь на окне
Пальмы да бананы?

Ты мне домовиной всё грозишь
Да тяжёлой глиной,
А меня ничем не разразишь —
Ни бомбой, ни миной!

Потому что жизнь нельзя убить.
Ну никак, хоть тресни.
... Как была я, так и буду быть —
В хлебе,
В воде,
В песне!